20.94.8.173a

А. Казинг (А—ва).

МЫСЛИ и ДУМЫ

О ЖЕНЩИНѢ

И ЕЯ РОЛИ ВЪ ЖИЗНИ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія „ПРАВДА", Владимірская площадь № 19.
1912.

Надо прежде всего разсмотрѣть для чего нужна женщина въ той міровой необходимой эволюціи, которая совершается въ жизни человѣческой, какъ со стороны фактической, такъ и со стороны мыслящей. Для чего собственно она нужна? Если смотрѣть на жизнь съ точки зрѣнія эволюціонистовъ, то ея роль та-же, что и роль мущины, идти впередъ, развивая свои силы и способности, жить, и живя совершенствоваться въ данномъ мыслею творческою направленіи.

Но мысль эволюціонистовъ не вошла еще въ обиходъ мыслящихъ положеній и въ вопросѣ о женщинѣ, надо считаться съ тѣмъ направленіемъ, которое до сихъ поръ господствуетъ и за которымъ признается нужное направляющее движеніе.

Нужно понимать жизнь мыслящую *только* какъ результатъ усилій данныхъ мыслею мущины, для своей сохранности и для сохранности того, что онъ создалъ, желая дать все, что понялъ, и что нашелъ нужнымъ, провести для того блага, которое понималъ. И мысль мущины, создавшаго житейскія условія, создавшаго фактическую сторону жизни, даетъ всему то утилитарное направленіе, которое ему нужно, какъ творцу созданныхъ положеній, и потому—даетъ обязательно тотъ уклонъ, который онъ считаетъ необходимымъ и полезнымъ для жизненнаго теченія не только своего личнаго, но и всего того, что составляетъ его личное пониманіе.

Съ его точки зрѣнія, съ точки хозяина положенія, женщина ему нужна какъ факторъ для удовлетворенія его мужской силы—производительной какъ въ области фактической, жизненной, такъ и въ области мыслящей, давая осуществленіе его желаній, его понятій, его требованій.

И женщина, какъ сила сохранная, фактическая, думающая, необходима ему какъ придаточное положеніе, нужное для проведенія въ жизнь его мыслящей дѣятельности. Созидая условія для жизни, онъ далъ ей роль почти пассивную, назначенную только для того, чтобы давать все, что ему нужно, не принимая ее нисколько въ область своего мыслящаго отношенія къ жизни, какъ лицо, имѣющее свои мысли, свои ощущенія, свои личныя симпатіи и антипатіи, и свои личныя требованія къ жизни.

Дѣлалъ онъ все это не потому что желалъ обездолить ее, такъ какъ думая объ ней, онъ всегда заботился объ удобствахъ, нужныхъ ей, *по его пониманію*; но мысль его давала ему понятіе только одностороннее, только такое, которое вытекало изъ его представленій о жизни, изъ его желаній, изъ его ощущеній. Давая ей любовь свою и покровительство, какъ существу слабѣйшему въ физическомъ отношеніи и менѣе обезпеченному отъ невзгодъ жизни, онъ предполагалъ, что этими ощущеніями и этими мыслями исчерпываются всѣ ея требованія и она должна быть совершенно удовлетворена. Онъ давалъ ей все, что по его пониманію, было ей нужно, не думая, что лицо одаренное своими собственными, лично принадлежащими ему свойствами и желаніями не можетъ находить своего счастія въ жизни, созданной для него другимъ, хотя бы и любящимъ и заботящимся объ немъ.

Каждое лицо способное жить своею мыслею, непремѣнно желаетъ жить этой *своей* мыслею, и этими *своими* ощущеніями, которыя составляютъ его личное достояніе, требующее своего удовлетворенія.

А лишеніе всего того, что вытекаетъ изъ лично понятой мысли и личнаго ощущенія жизни—одно изъ самыхъ сильныхъ мучительствъ, которое мущины понимаютъ только относительно себя самихъ, почти никогда не прикладывая это элементарное представленіе относительно своихъ женъ.

Тотъ порядокъ жизненнаго устроительства, когда на женщину смотрѣли, какъ на домашнюю нужную вещь, приравнивая ее къ скоту, сомнѣваясь иногда, есть ли у нея душа—далеко отошелъ, но не безслѣдно, потому что мущина, не измѣнивъ свою точку отправленія, относительно женщины, расширилъ ее только тѣми взглядами, которые онъ пріобрѣлъ съ теченіемъ жизни. Но основа его взгляда, все то-же недовѣріе къ ея мыслящей способности, къ ея свойствамъ, къ ея жизненнымъ понятіямъ, не смотря на то, что понятіе о причинности явленій давно уже вошло въ обиходъ человѣческой мысли.

А относительно женщины, понятія мущины не идутъ дальше ея видимаго, придаточнаго положенія къ жизни мужа и его дѣятельности, и это даетъ ему понятіе о ея субалтерномъ, такъ сказать, отношеніи. Они не желаютъ принять въ соображеніе, что придатокъ въ дѣйствіи видоизмѣняетъ суть, и придатокъ понимаемый какъ дополненіе непремѣнно расширяетъ или суживаетъ то, къ чему приложенъ этотъ придатокъ. Придатокъ къ мысли—дополняетъ мысль или даетъ другой уклонъ ей,

придатокъ въ химическомъ дѣйствіи не только измѣняетъ суть тѣла, но даетъ начало совсѣмъ другому состоянію; дѣломъ химическаго воздѣйствія можно превратить матерію въ жидкое состояніе, а жидкое состояніе въ уплотненную массу.

И въ мірѣ житейскомъ, фактическомъ требуется тоже придаточное дѣйствіе, чтобы дѣло задуманное перешло въ жизнь. Однимъ какимъ нибудь дѣйствіемъ никогда не двинется дѣло, требуется непремѣнно придаточное дѣйствіе, которое приводитъ дѣло мысли человѣка къ исполненію того, что задумано. Все, что мы видимъ совершается именно двойственнымъ дѣйствіемъ двухъ силъ жизненныхъ: силы дѣйствующей какъ импульсъ и силы воспринимающей импульсъ въ себя и производящей фактическое дѣло. Какъ въ мірѣ мыслящемъ, такъ и въ мірѣ фактическомъ дѣйствуетъ этотъ непроложный законъ, законъ распредѣляющій взаимодѣйствіе силъ; и думающая сила требуетъ придаточной силы для проведенія въ жизнь своей дѣятельной энергіи.

Дѣло жизни совершается мыслею человѣка, и ощущеніемъ жизни. Мысль не можетъ существовать безъ ощущеній, доставляющихъ матеріалъ для уясненія.

Въ жизни человѣка чисто фактической только активная дѣятельность мужа даетъ жизненное продолженіе рода; но безъ придатка активной, сохранно-созидательной роли женщины: пассивной въ дѣятельной энергіи, но активной въ сохранности, родъ человѣческій не могъ бы существовать. Безъ этой придаточной роли женщины въ творчествѣ, жизненная, активная производитель-

ность мужа не могла бы, дѣйствуя, дать продолженіе роду человѣческому.

Значитъ сила дѣятельная, сила дающая импульсъ, не имѣющая возможности дать своей дѣятельности дальнѣйшее теченіе безъ придаточныхъ положеній, обречена на безплодіе.

Тоже совершается и въ мірѣ мыслящемъ. Тотъ же законъ двойственнаго дѣйствія силъ не тождественныхъ, но разнозначущихъ въ эволюціонномъ процессѣ, движетъ то, что даетъ свое жизненное проявленіе въ мірѣ мыслящемъ и въ мірѣ фактическомъ. Для мысли необходимъ тоже жизненный придатокъ, безъ котораго она не можетъ дать полезнаго и нужнаго тому органически цѣлому, чему она служитъ. Женщина, какъ сила дающая жизнь силѣ активной мужа, принадлежитъ тому же закону, дающему только двумъ равнозначущимъ, но не тождественнымъ силамъ, силу дѣятельную, производительную а потому ея жизненное назначеніе то же, что и назначеніе мущины, то есть созидательное. Не только для жизни фактической, но и для мысли, давая уясненіе и осуществленіе всего того, что совершается въ жизни, что есть, что было и что должно быть.

Мущина идетъ къ этой цѣли путемъ логической, творческой мысли, женщина своимъ ощущеніемъ жизни, своимъ способомъ мыслитъ дедуктивно, способомъ идущимъ отъ цѣлаго къ пониманію его составныхъ частей, иногда даже мѣняя то понятіе о цѣломъ своей мыслею опытной, основанной на ощущеніи того, что просмотрѣлъ мужчина, отыскивая въ жизни своей прямолинейной, логической мыслею то, что ему нужно, на основаніи лично

составленныхъ имъ понятій о жизни, и того, что по его мнѣнію нужно для всѣхъ.

Его мысль идетъ прямо къ намѣченной цѣли, не задерживаясь на деталяхъ, на побочныхъ вопросахъ, считая ихъ мало значущими, не идущими къ дѣлу, или вовсе не замѣчая ихъ, а между тѣмъ эти малозначущіе для него вопросы, подвигаясь все дальше и дальше въ жизнь,—дѣлаются важными; когда пытливая, опытная мысль, разбирая ихъ, приходитъ къ заключенію, что пренебрегая подробностями, пренебрегая ощущеніями жизни другихъ, мущина совершилъ то, что по прошествіи извѣстнаго періода, оказалось мало способнымъ вызвать къ жизни то, что желалось и чего добивался.

Даже еще хуже, этимъ единичнымъ мышленіемъ, не принимающимъ въ себя соотвѣтствующую жизненную мысль лично думающей и ощущающей женщины, совершается насиліе надъ другими въ пользу личнаго пониманія жизни. Такъ было съ вопросомъ о рабствѣ, о женщинѣ, о сословіяхъ, опирающихся только на принадлежность къ роду, о правѣ давать законы, полезные только на время текущей жизни, но вредные и опасные для мысли и ея развитія на пользу всѣхъ.

И только страданіе, только мучительство людское, давали движеніе тѣмъ мыслямъ, которыя могли положить предѣлъ тому, что было дано утилитарно настроеннымъ мущиной и основано только на пользѣ созидателей положенія, въ прямой ущербъ другимъ. И вся эта ломка могла бы не существовать, если бы принципы женскаго пониманія, основаннаго на любви и ощущеніи жизни, примкнули къ мужскому творчеству и жизнь не

хромала бы такъ въ своихъ принципахъ, какъ она хромаетъ теперь.

Но фактическая мысль мущины, его желанія, давшія жизни ея „положенія“ лишила большинство женщинъ даже возможности—того нужнаго ей удовлетворенія, какъ существа двухсторонняго, какъ мать и думающую силу въ свободномъ проявленіи своихъ жизненныхъ тезисовъ любви и мысли и, какъ существо не равноправное. Она должна была получать *то*, что ей назначали, предписывали и внушали.

И это одностороннее дѣйствіе мужской созидательной мысли привело къ тѣмъ печальнымъ результатамъ въ жизни, которые проявляются въ неудовлетворенности и разочарованіи, тоскѣ и понятіи о ненужности всего того, что есть и даже къ отрицанію смысла и необходимости жить, потому что утилитарная сторона жизни, положительное разсудочное и практическое отношеніе ко всему можетъ удовлетворить человѣка только на время: на время борьбы, на время достиженія цѣли. Но когда эта сторона жизни человѣка удовлетворена, тогда остается только пустота, безцѣльность и малое желаніе пользоваться всѣмъ тѣмъ, что прежде составляло суть, смыслъ и цѣль жизни. Человѣкъ исчерпываетъ свое содержаніе, изживаетъ свою мысль. Больше въ немъ ничего нѣтъ живого, нѣтъ живого импульса для жизни. Онъ банкротъ.

И только тотъ, кто способенъ жить мыслею, въ исканіи новыхъ мыслящихъ положеній, именно такихъ, которыя могутъ удовлетворить его въ попыткахъ разобраться въ данныхъ положеніяхъ мысли, чтобы получить то, что ему нужно и что можетъ отвѣтить тѣмъ жизненнымъ тезисамъ, которые онъ намѣтилъ—тотъ только можетъ сказать,

что жизнь представляетъ для него интересъ. Именно, тотъ, кто намѣтилъ самъ, своимъ желаніемъ, а не въ качествѣ работника и исполнителя чужихъ предписаній и чужой воли; — и работая самостоятельно и свободно въ сферѣ мыслящей, такой человѣкъ дѣйствительно можетъ сказать, что жизнь даетъ много хорошихъ минутъ.

Но если этотъ мыслящій человѣкъ, работая надъ вопросами жизни, не имѣетъ близкаго, дружескаго сообщенія съ мыслящей, любовно настроенной къ пониманію жизни женщины—женщины, способной дать для него совершенно неожиданный выводъ въ его изысканіяхъ, именно такой который даетъ толчекъ для его дальнѣйшей мысли, всетаки не скажетъ, что жизнь хороша, что жизнь великое благо, что стоитъ жить и трудиться, потому что трудъ его дѣлается болѣе полнымъ, болѣе одухотвореннымъ, болѣе плодотворнымъ, отъ соприкосновенія съ любовнымъ, благожелательнымъ отношеніемъ женщины къ его труду, къ его мыслящей жизненной задачѣ.

Мыслящее отношеніе женщины къ тому что думаетъ мущина, именно и есть то „придаточное положеніе", дѣйствительно пополняющее, согрѣвающее, оживотворяющее все то, чего не достаетъ въ творческой, но односторонне дѣйствующей мысли мущины.

Только этимъ двухстороннимъ путемъ двинется жизнь съ своей зыбкой мели, мало способствующей идти дальше, потому что *то, что* дѣлается не сообща, а только единичной мыслью желающей чтобы все совершалось по ея понятію, по ея мысли, не принимая въ расчетъ другихъ, *то* не только не можетъ быть дѣйствительно полезно для

всѣхъ, но даже и для самихъ созидателей этихъ ограниченныхъ мѣропріятій.

Они, въ концѣ концовъ, на себя же принимаютъ всю обратную сторону этихъ урѣзанныхъ житейскихъ положеній, ограничивающихъ мыслящую и фактическую свободу женщины, способной своимъ собственнымъ способомъ дойти до тѣхъ же положеній, что и мущина, но дополняя его тѣмъ ощущеніемъ любви, которое не всегда бываетъ у мущинъ, идущихъ неуклонно къ утилитарной цѣли, не вникая въ ощущеніе тѣхъ, для кого созидаютъ свои полезныя и нужныя по ихъ понятію постановленія.

И женщина способная думать, должна требовать себѣ того же, чѣмъ пользуется мущина, т. е. правомъ жить по своему убѣжденію, чтобы провести въ жизнь то, чѣмъ она владѣетъ, даже большее, чѣмъ можетъ понять мущина своею мыслью, устремленною почти только на внѣшнюю сторону жизни и на ея требованія того, что ему нужно для своего чисто матеріалистическаго взгляда на жизнь.

Но все это впереди, это наступитъ тогда, когда женщина добьется того, чего она теперь такъ настойчиво добивается, а до тѣхъ поръ намъ необходимо уяснить себѣ то, что есть, что было и что еще долго можетъ быть, если сама женщина не потребуетъ себѣ должнаго, какъ лицо полноправное.

Мысль человѣка, какъ и все, движется по своему закону, мысль идетъ вмѣстѣ съ жизнью фактической, не давая ничего иного, какъ разъясненіе испытываемаго и ощущаемаго. Ощущая на себѣ дѣйствія изъ міра внѣшняго, человѣкъ даетъ имъ свое мыслящее освѣщеніе.

И чѣмъ больше точекъ соприкосновенія съ міромъ внѣ его находящимся, чѣмъ разнообразнѣе жизненныя ощущенія, тѣмъ дальше идетъ внутренняя жизнь въ своихъ положеніяхъ, тѣмъ шире дѣлается мысль въ ея отношеніяхъ къ жизни и ея явленіямъ.

И потому все то, что дала объ жизни мысль предыдущихъ поколѣній служа базой или точкой исхода, должно быть пересмотрѣно и провѣрено данными, полученными отъ самой жизни и ея выводовъ. Но созидать новое, живое дѣло на старыхъ устояхъ нужно только тогда, когда видишь, что эти устои крѣпки и отвѣчаютъ необходимой жизненной эволюціи.

Но развѣ понятія нашихъ предковъ отвѣчаютъ тѣмъ понятіямъ о женщинѣ, которыя существуютъ въ новѣйшее время? Развѣ можно строить домъ на тѣхъ же сваяхъ, которыя были заложены во времена свайныхъ построекъ?

Теперь жизнь сложилась иначе, добытые жизнью уроки показали, что можно устроиться гораздо удобнѣе, не прибѣгая къ тому, къ чему прибѣгали живущіе тогда.

Но устои семейные стоятъ все на тѣхъ же столбахъ, на которыхъ зиждилась прежняя семейная жизнь, и мысль предшествующихъ поколѣній все еще служитъ точкой исхода.

Понятія нашихъ предковъ почти и теперь отвѣчаютъ мысли тѣхъ, кто смотритъ на жизнь не какъ на мыслящій эволюціонный (прогрессирующій) факторъ, необходимый для достиженія того, что нужно мыслящему человѣчеству, но кто принимаетъ жизнь за что то безцѣльное, можетъ быть случайное съ ея движеніемъ мысли, почему то дѣйствующей,

Антрет. лиз. лозунг.

почему то существующей. И признавая все же прогрессирующее движенiе жизни, человѣкъ ищетъ въ прошломъ то, что можетъ ему отвѣтить, предполагая, что все, что есть теперь, то было и въ прошлой человѣческой жизни,—въ своемъ зачаточномъ состоянiи. То есть люди понимаютъ жизнь, не какъ движущуюся, эволюцiонную мысль, развертывающую свои положенiя вмѣстѣ съ явленiями жизни, а какъ что то положительно извѣстное, почти точно опредѣленное, заключающее въ себѣ все то, что они поняли, и что должно прогрессируя только идти дальше, раздвигая не предѣлы мысли, но раздвигая существующую мысль въ ея сущности.

И вотъ эта, такъ сказать, предвзятость представленiй, опирающихся на прошлое мыслящее отношенiе ко всему, что переживалъ человѣкъ, положило свою печать и на мысль человѣка въ его отношенiи къ женщинѣ. Натурально, что это представленiе отвѣчаетъ и основному понятiю мущины о себѣ какъ о дѣятелѣ и производителѣ, и мыслею своею, отвѣчающаго себѣ на свои личные потребности и нужды текущей жизни, которую онъ создалъ.

Но жизнь, вопреки всему, идетъ своимъ путемъ; скрытыя, инертныя силы пробиваясь къ жизни, условiями самой жизни, непремѣнно, проявляютъ себя, и нѣтъ силы, чтобы задержать ихъ проявленiе. Только слѣпая мысль человѣка, не желающая воспринятыя ощущенiя, обдумавъ — понять, задерживаетъ все, оставаясь при томъ представленiи, которое вложено въ него предшествующими понятiями. Человѣкъ не желая думать о томъ, что почти очевидно, стоитъ непреклонно на одномъ, разъ воспринятомъ, представленiи.

Это „очевидное“ не принимается его личной мыслью, какъ что то новое жизненное, а какъ одна изъ ненужныхъ, вредныхъ мыслей, которая даетъ только смуту, потому что все, что существуетъ, хорошо и нужно именно въ томъ видѣ, въ которомъ оно есть.

Но жизнь, повинуясь своимъ законамъ, идетъ все же впередъ, развертывая новыя положенія и новыя требованія.

Тѣмъ, кто находитъ не мотивированнымъ настоящій подъемъ женскаго мыслящаго протеста на все, что создала мысль мущины, тѣмъ прошлая жизнь женщины можетъ дать отвѣтъ.

Такимъ образомъ прежде всего нужно узнать изъ далекаго прошлаго, когда стала созидаться болѣе или менѣе сознательная жизнь, были ли женщины способны лично мыслить и лично ощущать жизнь съ ея движеніемъ, были ли онѣ всегда покорны роли подвластнаго существа, въ которую онѣ были поставлены утилитарной мыслею мущины? Всегда ли она покорно и даже съ охотой исполняла то, что на нее было возложено, и служила ли она той цѣли, для которой была предназначена, т. е. сохранять очагъ мужа въ неприкосновенности и дѣломъ своей жизни выказывать ему обязательную любовь, покорность и дѣйствительное участіе въ его дѣлахъ? Всегда ли она покорно занимала то положеніе, въ которое была поставлена силой другого, той силой, которая одна была дѣйствительна въ ранній періодъ жизни человѣка, т. е. силой физической, силой фактической.

Думаю, что дѣло это было далеко не такъ, какъ намъ даютъ понять если принять въ расчетъ все то, что объ ней писали и передавали въ видѣ ле-

гендъ, сказокъ, пословицъ, поговорокъ, даже въ видѣ тѣхъ закономъ поставленныхъ положеній, по которымъ нашли нужнымъ урѣзывать ея человѣческія права, упорядочивая произволъ надъ ней и предрѣшая ея дальнѣйшее существованіе какъ подвластнаго существа, зависящаго не только отъ мужа, но послѣ его смерти и отъ мущинъ, принадлежащихъ семьѣ. Понятно, что давая ей извѣстнаго рода защиту, утверждая ее въ правахъ матери и жены, ей давали то, что укрѣпляло это положеніе, созданное для нея мущиной, озабоченнымъ главнымъ образомъ, дать гарантіи тому, что создалъ ради своего понятія о жизненной роли женщины, служащей ему всѣми тѣми свойствами, которыя ей присущи. Но эти законы служили, собственно, ему, какъ творцу положеній, недостаточно увѣренному въ своей способности удержать женщину своими личными силами и тѣми способами, которые практиковалъ для ея полнаго порабощенія.

Не требуется больше одного пастуха, чтобы загнать стадо въ предназначенное ему мѣсто, но сопротивляющихся коней удерживаютъ иными, болѣе сложными средствами, къ повиновенію.

Законъ созидается тогда, когда почувствуется въ немъ надобность: онъ не предрѣшаетъ событій, такъ какъ онъ не знаетъ, какія новыя комбинаціи жизненныя могутъ явиться и нарушить установившійся строй жизни. Значитъ законъ, данный для упорядоченія семьи и семейныхъ отношеній, въ жизни возникалъ, по желанію мужа, съ цѣлью гарантіи его отъ своевольныхъ поступковъ женщины, нарушающей его права, какъ хозяина положенія.

Изъ этого можно заключить, что законы, данные

мущиной для огражденія будто женскихъ правъ, могутъ быть поняты теперь какъ разъ наоборотъ. Потому, что если бы все, что нужно для семьи, совершалось сообща, по взаимному соглашенію, то не требовалось бы никакихъ спеціальныхъ законовъ, ставящихъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы женская мысль и дѣйствія были регулированы именно такъ, а не иначе. Вѣдь остальные законы не дѣлаютъ разницы въ полахъ; если нарушеніе ихъ требуетъ возмездія, то ему подвергаютъ женщинъ и мущинъ въ равной степени.

И въ объясненіе этихъ личныхъ стремленій мущины—поработить свою подневольную подругу,—наталкиваемся на цѣлый рядъ ея дѣйствій, которыя прямо говорятъ намъ, что даже въ самыя сѣдыя времена, не говоря уже о позднѣйшихъ, жена прибѣгала дѣломъ своего сопротивленія тому, что для нея созидалось, ко всѣмъ неправдамъ, которыя были въ ея распоряженіи, чтобы добиться того, что ей нужно было, такъ какъ у нея, въ ея положеніи, не было другого пути.

Она не останавливалась даже передъ подстрекательствомъ къ убійству, даже къ самому убійству, почти всегда коварному и предательскому—лишь бы избавиться отъ того нежеланнаго положенія, въ которое была поставлена силой обстоятельствъ и чужой волей, вопреки себѣ и своему желанію.

Но положеніе женщины еще яснѣе понимается изъ разсмотрѣнія тѣхъ препятствій, которыя лежали на ея пути, для полнаго пониманія своихъ отношеній къ мужу и его къ ней. Именно (помимо экономическихъ) въ тѣхъ церковныхъ предписаніяхъ и взглядахъ, которыя были чѣмъ-то въ родѣ руководящихъ

понятій, дающихъ мущинѣ уясненіе о женщинѣ какъ о подневольномъ созданіи, обязанномъ относиться къ мужу какъ къ господину и повелителю.

Предписывая ей повиновеніе и покорность, церковь идетъ еще далѣе въ этомъ направленіи: она съ амвона даетъ возгласъ: „жена да боится своего мужа", и какъ бы ни старались въ настоящее время умѣрить смыслъ этого приказанія болѣе смягченнымъ толкованіемъ, но все же дѣло не мѣняетъ отъ этого своей сути. А между тѣмъ этотъ возгласъ служитъ одной изъ существенныхъ причинъ повальной расправы мужей съ женами и одной изъ причинъ жестокаго избіенія женъ въ менѣе культурныхъ слояхъ, одной изъ причинъ сознанія мужемъ своей власти и безнаказанности своего поведенія относительно ея.

Вообще церковныя предписанія относятся строже къ женѣ, чѣмъ къ мужу. Они, какъ и все, что создалъ мущина, носятъ на себѣ отпечатокъ мужского мышленія, мужского отношенія ко всему, что не онъ.

Женщина, благословляемая на бракъ и дѣторожденіе, при совершеніи таинства, которое прямо указываетъ ей путь въ этомъ направленіи въ примѣрахъ Сарры и Рахили, и послѣ того, когда она дѣлается дѣйствительно матерью, подвергается, какъ непотребная, церковному очищенію, сопровождаемому тяжелымъ и унизительнымъ ощущеніемъ отъ тѣхъ выраженій, которыя она обязана выслушать, стоя у преддверья храма, за дѣло, которое было благословлено церковью, въ которомъ обѣ стороны были причастны и даже активная сторона была на сторонѣ мужа.

А если женщина не дѣлается матерью, то она не подвергается церковному очищенію, хотя про-

должаетъ служить мужу женой, такъ что пожалуй можно вывести прямое заключеніе, что она подвергается очищенію именно за актъ дѣторожденія.

Церковь, давая мужу видимое преимущество, вовсе не заботится о логической постановкѣ вопроса и о справедливомъ отношеніи къ женщинѣ. Она идетъ еще дальше въ этомъ направленіи. То, что запрещено седьмой заповѣдью, то можетъ быть разсматриваемо только относительно женщины—жены, но мало касается до сильной половины человѣческаго рода, дающей себѣ всевозможныя привиллегіи и исключенія изъ правила, тѣмъ болѣе, что и общественное мнѣніе смотритъ на это нарушеніе вполнѣ спокойно.

И государство, идущее рука объ руку съ постановленіемъ церкви, стоящее за нравствевные устои подвластныхъ, дало (въ виду физической потребности мущины) рядъ постановленій, въ силу которыхъ зарегистровали цѣлые полки обездоленныхъ женщинъ, сбитыхъ съ пути мужскимъ темпераментомъ (помимо всѣхъ остальныхъ причинъ) для удовлетворенія того, что они считаютъ нужнымъ для своего жизненнаго обихода, не думая о томъ, что это такое вопіющее, такое чудовищное дѣло, которому равнаго нѣтъ и не можетъ быть при существующемъ понятіи о человѣкѣ и о свободѣ человѣческой личности.

Эти несчастныя, погибшія въ людскомъ мнѣніи, а что еще важнѣе, въ своемъ собственномъ, не имѣютъ защиты даже въ церкви. Церковь не подаетъ своего голоса противъ этого ужасающаго постановленія, губящаго однѣхъ ради удовлетворенія и удовольствія другихъ болѣе сильныхъ и властныхъ.

Стоитъ перечитать все то, что писали о женщинахъ отцы церкви, чтобы понять, до чего дошло затменіе, почти надругательство надъ подругой человѣка, которая должна идти вмѣстѣ съ нимъ въ жизнь, дополняя другъ друга.

Развѣ не давали въ книгахъ, считаемыхъ священными, и въ проповѣдяхъ, произносимыхъ съ амвона мыслей, кажущихся теперь дѣйствительно невозможными, предостерегающихъ мужа отъ ея козней. Развѣ не давали ей названія нечисти и скверны, сосуда дьявольскаго, зло, растлѣніе и блудъ вносящаго въ родъ человѣческій? Развѣ не давали прямыхъ указаній, даже фактическаго характера, о томъ, какъ надо расправляться съ нею, чтобы покорить ея непокорную волю власти мужа

По ихъ понятію женщина вездѣ и всегда являлась угрозой его спокойной жизни. Его оберегали всѣ эти мысли, притупляя его думающую силу, могущую дать ему разумѣніе, что его подруга не есть только физіологическій терминъ, нужный ему, не только узаконенная силой раба его желаній и требованій, но и мыслящее созданіе, мыслящее своимъ, лично принадлежащимъ ей способомъ, не тождественнымъ съ нимъ, но равнозначущимъ, и идущимъ къ одной и той же цѣли. Имъ не давали думой своей дойти до понятія, что жена ихъ— лицо вполнѣ опредѣленное въ своихъ личныхъ симпатіяхъ и антипатіяхъ, желающая не всегда того, что ей приказываетъ ея повелитель и старающаяся избавиться этихъ приказаній, всѣми тѣми способами которыми можетъ воспользоваться.

И конечно всѣ ея протесты, начиная съ самыхъ обыденныхъ и кончая самыми ухищренными, мущины ставили въ ущербъ ея пониманію, понима-

нію, опирающемуся на ея злобное настроеніе и на ея неспособность думая относиться къ тому, что для нихъ, для созидателей жизни, нужно и необходимо. И требуя отъ нея только повиновенія своему директиву мыслящему и своему желанію, видѣть ее лишь подручной въ жизни, находили, что ея упорство въ ея желаніи дѣлать то, что она хочетъ, а не то что ей приказываютъ,—происходитъ только отъ ея маломыслія или злобнаго настроенія.

Понятно, что женщины, не отвѣчающія требованіямъ мущины, были именно тѣ, которыя проявили свою личность и дѣйствовали на основаніи своихъ ощущеній и желаній. Но въ тѣ дальнія времена мысль человѣческая не доросла еще до понятія о человѣкѣ, какъ о лицѣ самостоятельно проявляющемъ себя въ жизни, и потому вполнѣ естественно, что хозяинъ жизненныхъ положеній желалъ оградить себя отъ дѣлъ существа нужнаго ему, но не достаточно покорнаго.

И все, что писалось и говорилось объ ея лживости, злобѣ, коварствѣ, обманѣ и хитрыхъ приспособленіяхъ—можетъ быть въ настоящее время понято какъ о ея личномъ способѣ защищать себя отъ силы фактической, жизненной, которою она была придавлена, не дававшей ей возможности проявить себя также спокойно, какъ она проявляетъ себя теперь въ тѣхъ случаяхъ, когда жизненныя ея условія настолько хороши, что ей уже не нужны всѣ ухищренія рабы, чтобы постоять за себя и свое пониманіе жизни.

Натурально, что только женщины, сильныя своей личною, жизненной мыслью, и воспріимчивымъ темпераментомъ могли оставить слѣдъ свой, *въ этой, не особенно лестной для нихъ, памяти.* Онѣ

были первыми борцами въ этой темной маломыслящей атмосферѣ, этихъ затертыхъ жизнью рабынь, не доросшихъ до мысли личной. Онѣ въ своей строптивости несли въ себѣ протестъ противъ всего, что давило ихъ и угнетало въ эксплуататорствѣ мущинъ, эксплуататорствѣ, которое они, то есть мущины, понимаютъ далеко не такъ, какъ могутъ понимать женщины, поставленныя въ условія той желѣзной необходимости, по которой онѣ должны всю свою жизнь исполнять чужую мысль, чужія понятія и чужія желанія.

Жизнь каждаго человѣка, отъ большаго до маленькаго, проявляетъ въ себѣ такія стремленія, которыя прямо указываютъ, что оно вытекаетъ именно изъ жизненныхъ свойствъ человѣка — стремленія удовлетворить себя, свои мысли, свои ощущенія, свои желанія.

Значитъ человѣкъ прежде всего заботится о себѣ, о своемъ удовлетвореніи. Каждый знаетъ, что ему нужно, какъ существу обособленному. Каждый понимаетъ свое желаніе, то есть мысль его почти всегда сознательно относится къ тому, что онъ хочетъ, конечно, исключая случаевъ чисто біологической жизнеспособности.

И мысль человѣка на порогѣ своего сознательнаго отношенія къ жизни поняла, что ей нужно прежде всего охранить себя отъ того, что можетъ нарушить его существованіе въ томъ видѣ, которое представлялось ему желательнымъ а желанію человѣка отвѣчало его понятіе существующее въ данный періодъ времени и удовлетворяющее его на основаніи тѣхъ понятій, которыя удовлетворяли его въ данный періодъ времени.

Въ жизненное удовлетвореніе мущины, входило

понятіе о тѣхъ удобствахъ, которыя онъ можетъ получить отъ женщины, какъ побочной, дѣятельной силы, нужной ему во всѣхъ его дѣйствіяхъ, какъ чисто житейскихъ, такъ и въ движеніи его мыслящемъ. Тѣмъ болѣе, что женщина—мать, давая свои заботы дѣтямъ, старалась охранить ихъ отъ всевозможныхъ опасностей, старалась устроить дѣло этой охраны именно такъ, какъ она могла, и этимъ создала семью и домашній очагъ; на этомъ пути она пошла и еще дальше: вмѣстѣ съ мужемъ она дѣйствительно двинула жизнь на новую колею,—она создала жизнь общественную.

Безъ *ея* участія жизнь эта была бы невозможна, такъ какъ *она* была именно тотъ цементъ, который сплачивалъ людей въ человѣческую семью и человѣкъ, живя въ обществѣ себѣ подобныхъ могъ расти мыслью и, развиваясь думающей своей силою, дойти до настоящаго своего существованія.

Жизнь даетъ то, что вызвано творческою мыслью человѣка, покоющейся на „ощущеніи жизненномъ" ощущеніи, которое присуще всему земному и которое обязано родить мысль,—а такъ какъ человѣкъ, на зарѣ своей жизни мыслящей, жилъ только общей міровой мыслью, разлитой во всемъ органическомъ мірѣ, то его мысль разнилась только масштабомъ, условностями и примѣненіями отъ мысли муравья, имѣющаго подвластныхъ ему насѣкомыхъ для удобствъ жизни, но не разнилась въ сути своей, нося въ себѣ одну и ту же цѣль: свое сохраненіе и продолженіе рода.

Живя законами этой міровой мысли, создавая себѣ условія для своего существованія, условія необходимыя для своей, уже широко понятой, сохранности, человѣкъ причислилъ къ своей факти-

ческой жизни для житейскаго обихода и женщину. Дальше этого мысль мущины не шла и не могла итти, потому что міровая мысль, которой онъ жилъ,—имѣла единственную утилитарную цѣль, т. е. сохранность и продолженіе рода.

Нужное эволюціонное движеніе мысли, дальше идущее вмѣстѣ съ жизнью теперь уже дало выводы прошлаго пониманія, и многое изъ тѣхъ понятій, которыми жило человѣчество измѣнено въ корнѣ, и вопросъ о женщинѣ движется такъ же, какъ и все, хотя личная мысль мущины еще далеко не освободилось отъ своего предвзятаго отношенія къ женщинѣ, имѣя въ основѣ, можетъ быть, и не всегда сознанное, но всегда интенсивное желаніе, такъ или иначе быть господиномъ *ея*. Ея, на которую онъ продолжаетъ смотрѣть, какъ на недостигшую ни мыслью, ни силой тѣхъ предѣловъ, до которыхъ дошелъ онъ, мущина, своей творческой мыслью.

Однако мыслящее движеніе, тщательно разсматривающее все, чѣмъ живетъ человѣкъ, многимъ вложило понятіе, что вопросъ о женщинѣ слѣдуетъ разобрать такъ же тщательно, какъ разбирались вопросы жизни, ~~или~~ нужные для жизни, и попутно съ этимъ неизбѣжно всплываетъ вопросъ о возможности приложенія *только одной логической мысли*, для изысканій жизненныхъ путей намѣченныхъ человѣкомъ.

Логика непобѣдима, когда она знаетъ куда она идетъ и чего ищетъ. Но одна логика, т. е. послѣдовательная, „математическая" точность развитія мыслей не можетъ себѣ подыскать подходящаго пути во всей сложной жизни человѣка. Понятіе о жизни никоимъ образомъ не можетъ покоиться

только на одной логической мысли. Жизнь не наука, которая требуетъ только логическаго метода, дѣятельно отыскивающаго то, что нужно въ извѣстномъ направленіи. Понятіе о жизни всегда только намѣчено и потому оно не можетъ быть предметомъ дѣйствія односторонняго и однороднаго. Имѣя въ основаніи даже полезную мысль нельзя этимъ однимъ логическимъ путемъ понять и дать настоящее уясняющее движеніе въ такой области. которая не стоитъ только на одномъ утилитарномъ принципѣ, а проявляетъ въ себѣ иногда иныя требованія, ни коимъ образомъ не укладывающіяся въ дѣятельности мысли логической, идущей по пути утилитарнаго воззрѣнія на все.

Жизнь содержитъ въ себѣ и ощущеніе этой жизни и чувство, дающее цѣнность жизни. Нужно чтобы исканіе путей къ жизненному устроительству, данное утилитарной мыслею мущины, пріобщило въ своемъ исканіи, то добавочное, что можетъ дать женщина, мыслящая своимъ способомъ и способная любить все, что дано ея пониманію и тогда, и только тогда двинется мысль для дѣйствительно плодотворной работы, на пользу жизни и ея теченія.

Поэтому-то мы вправѣ желать, чтобы *точный анализъ* мыслей и ощущеній, какъ мущины, такъ и женщины—въ ихъ разной мыслящей примѣнимости къ дѣлу жизни и движенію жизненному *былъ строго разслѣдованъ и уясненъ*. Нужно понимать, что если въ фактическомъ жизненномъ строительствѣ видны разныя точки отправленія, то вполнѣ вѣроятно, что эта разница обосновывается именно въ тѣхъ дѣятельныхъ факторахъ, которые даютъ импульсъ, для жизненныхъ проявленій.

Въ женщинѣ не замѣчается творческой созидательной мысли мущины, дающей свои результаты въ жизненномъ теченіи; въ *ней* не преобладаетъ та логическая структура мыслящая, необходимая для приведенія въ жизнь того, что нужно для устройства и пониманія жизни въ томъ видѣ, въ какомъ ее неуклонно понимаетъ мущина, и которое именно нужно ему, какъ творцу положеній.

Въ женщинѣ иногда проявляется даже малое участіе къ жизненнымъ вопросамъ, поставленнымъ мущиной какъ главные для жизни; она можетъ своими, подчасъ необъяснимыми, поступками почти что рушить то, надъ чѣмъ работаетъ мужъ. Иногда нѣкоторыя ея выходки, даже касающіяся ея лично, возбуждаютъ недоумѣніе, потому что они не даютъ ни видимой пользы, ни видимаго мыслящаго мотива, почти игнорируя тотъ утилитарный принципъ, который составляетъ именно фонъ жизненнаго дѣла.

И вотъ всѣ эти недочеты, всѣ эти минусы въ женщинѣ и въ ея отношеніи къ жизни дѣлаютъ ее, въ глазахъ мущины, существомъ не только неравнозначущимъ съ нимъ, но даже почти низшимъ, не имѣющимъ въ себѣ того, что необходимо человѣку, чтобы быть человѣкомъ, то есть носителемъ тѣхъ свойствъ и мыслящихъ дѣлъ, которыя одни могутъ, по ихъ понятію итти, какъ показатели высшихъ сторонъ человѣка и его дѣйствій.

Сознавая всю мыслящую силу свою, и свое значеніе въ жизни, мущина можетъ, въ лицѣ нѣкоторыхъ, доходить иногда въ своемъ самообожаніи до удивительныхъ выводовъ, о томъ, что онъ, совершенное существо, можетъ быть, если уже не есть сверхъ-человѣкъ, почти полубогъ, или богочеловѣкъ.

Въ этомъ обоготвореніи себя, и всего, что дала его мысль въ коллективномъ видѣ, онъ не замѣчаетъ всѣхъ дѣйствительныхъ недочетовъ въ своихъ мыслящихъ созиданіяхъ на пользу жизни и ея устроительства. Развѣ все то, что создано имъ, его мыслею и дѣлами дѣйствительно такъ совершенно, какъ думаетъ онъ, созидатель и творецъ жизненныхъ положеній. Развѣ та культура, которую онъ насадилъ, служитъ всѣмъ, развѣ она даетъ что нибудь тому громадному большинству человѣчества, что она даетъ сравнительно крохотной части избранныхъ. Развѣ большинство не служитъ, даже при наивысшей культурѣ, меньшинству, всѣмъ—чѣмъ только можетъ служить, и мыслею и работой, и своимъ тѣломъ, даже своимъ личнымъ, подавленнымъ ощущеніемъ, даже жизнью. Развѣ мысль человѣка, стоящая въ опекѣ меньшинства дѣйствительно свободно можетъ жить и дѣйствовать такъ, какъ она можетъ и должна дѣйствовать для дѣйствительнаго преуспѣванія жизни?

Личное ощущеніе того, что его связываетъ съ тѣмъ невидимымъ, что для него иногда даже важнѣе существующаго развѣ можетъ свободно проявлять себя? Развѣ то, что совершается теперь можно назвать жизнію человѣка думающаго сознательно? Развѣ, вчера, сегодня, завтра не совершаютъ кровавыхъ жертвоприношеній ради Мамона, ради удовлетворенія той мысли, которой живетъ весь органическій міръ включая человѣка, если онъ не пріобрѣлъ дѣйствительнаго человѣческаго образа, своимъ развитымъ мышленіемъ.

И развѣ не своей мыслью и силой человѣкъ создалъ пролетаріатъ, безземелье, безправіе однихъ въ пользу другихъ? Развѣ наука не оправдываетъ

этотъ ходъ жизни, давая свои выводы въ пользу того, что только этимъ путемъ, путемъ насилія однихъ надъ другими могла появиться и наука и культура, и все то видимое благосостояніе, которымъ пользуются народы и государство, забывая низы?

А проституція? развѣ это не самый яркій показатель того, что мужское творчество, основанное на чисто эгоистичныхъ началахъ, даетъ не только то, что ему необходимо для своей сохранности, но и то, что доставляетъ удовлетвореніе безъ всякихъ обязательныхъ отношеній къ женщинѣ, погубленной его же постановленіями, ради чисто животныхъ потребностей. А мотивъ убійства новорожденныхъ внѣ закона человѣческаго и судъ надъ несчастными матерями развѣ разсматриваетъ такъ, какъ велитъ совѣсть и даже простая правда жизненная?

Женщина одна несетъ на себѣ и позоръ зачатія внѣ закона, и всѣ тѣ чудовищныя послѣдствія, которыя вытекаютъ изъ этого неразумнаго положенія обездоленныхъ. Она одна несетъ всю бѣдственную участь свою и своего ребенка. А когда въ минуту ужаса, видя себя въ безвыходномъ положеніи, она почти въ безпамятствѣ, въ безумствѣ убиваетъ свое дитя, судъ ее судитъ и—осуждаетъ. Виновникъ всего этого можетъ быть совершенно свободно и даже покойно продолжаетъ свою дѣятельность въ томъ же направленіи, ибо законъ его не трогаетъ, а общественное мнѣніе, какъ общественное безличное зло, основанное на коллективной мысли прошлаго жизненнаго пониманія, относится совершенно равнодушно къ этому надругательству надъ правдой и надъ человѣчески сознательнымъ отношеніемъ къ жизни.

Развѣ послѣ всего этого мущина, создавшій всѣ эти жизненыя условія, приближается къ совершенному типу того, что мы называемъ человѣкомъ? И развѣ его логическая прямолинейная мысль дала то, что нужно людямъ т. е. свѣтъ, житейскую правду и свободу мыслящую? Развѣ съ этимъ внутреннимъ, эгоистично утилитарнымъ отношеніемъ ко всему, удовлетворяя только себя и своихъ, (т. е., тѣхъ, кто составляетъ кругъ его отношеній), можно создать что нибудь широкое, глубокое, нужное для всѣхъ? Нѣтъ—для дѣлъ, захватывающихъ, всѣхъ, нуженъ другой импульсъ, другой связывающій элементъ.

Ощущеніемъ „я", „мое", „мнѣ", нельзя созидать великаго дѣла созидательнаго, полезнаго и вѣчнаго. „Я", „мое", „мнѣ" даетъ *то*, что само будучи даже самымъ лучшимъ дѣломъ, проведенное въ жизнь, съ теченіемъ времени разлагается подъ напоромъ другихъ „я", другихъ „мнѣ", другихъ „мое", требующихъ себѣ тоже того, что имъ нужно.

Міровая мысль, имѣющая цѣль личную сохранность, опредѣленно и ясно работаетъ только на себя, захватывая другихъ, какъ суррогатъ нужный для личнаго удобства жизни, и потому *то*, чего она добивается своимъ движеніемъ мыслящимъ, всегда сопровождается борьбою, и пораженіемъ менѣе приспособленныхъ къ жизненной борьбѣ, въ пользу болѣе сильнаго. Этой мыслью, сообразно своимъ условіямъ жизни, живетъ весь органическій міръ, начиная съ самаго мелкаго созданія и кончая человѣкомъ, вѣнцомъ этой восходящей лѣстницы.

Лѣстница которая, обслуживая уже человѣка ведетъ его дальше въ міръ нами почти непознаваемый, но дающій иногда даже вопреки насъ, ощущать себя,

въ тѣхъ непонятныхъ проявленіяхъ мысли и любви, которыя озаряютъ насъ. Мысли—неизвѣстно почему появившіяся, и не имѣющія ничего общаго съ тѣмъ, которыми жилъ и понималъ человѣкъ, желающій прежде всего личнаго блага, рушатъ логическое теченіе его утилитарнаго обо всемъ пониманія. Неизвѣстно почему посѣтившая его любовь, (иногда прямо безпредметная) вдругъ согрѣваетъ его горячей струей, и совершенно сдвигаетъ уклонъ его жизни. Эти то непонятные, вытекающія изъ невѣдомыхъ глубинъ, не поддающіяся анализу, мысли и ощущенія близости со всѣмъ міромъ, яснѣе и живѣе проявляются въ женскихъ свойствахъ и потому ихъ нужно болѣе тщательно разобрать.

И пытливая, созидательная мысль мущины, идущая дальше въ прогрессивномъ направленіи, и понимающая все неудовлетворительное и нежелательное, что дано принципомъ только міровой мысли, должна болѣе вдумчиво отнестись къ свойствамъ женскаго, мыслящаго отношенія къ жизни,—ея, личнаго отношенія, не наложеннаго на нее чужой мыслью и обстоятельствами несвободной жизни. Мысль мущины должна болѣе тщательно присмотрѣться и къ свойствамъ лежащимъ въ ея любви, добротѣ и къ ея „жалостному“ отношенію ко всему, входящему въ ея кругозоръ.

Конечно женскую доброту и любовь мущины цѣнятъ, но только какъ суррогатъ ихъ жизни, какъ дѣло нужное лично каждому изъ нихъ, но они своими постановленіями не даютъ возможности ей прямо, свободно, непосредственно проводить ее въ жизнь общую; въ жизнь мыслящую вмѣстѣ съ нимъ, для болѣе любовнаго устройства всего, что онъ

совершаетъ, повинуясь только своей утилитарной мысли, вполнѣ игнорируя женскую мысль, какъ недостаточно разумную и достаточно не обоснованную, почти даже мѣшающую его дѣятельности.

Но приходя въ ближайшее соприкосновеніе съ женщиной, на почвѣ мыслящей и фактической, приходится замѣчать, что тѣ недочеты въ способѣ мыслящемъ, которые признаются минусами человѣческаго мыслящаго отношенія къ жизни, восполняются чѣмъ-то такимъ, что наводитъ на мысль что *она* владѣетъ какими то необъяснимыми дополненіями, какими-то плюсами которые еще недостаточно строго провѣрены и еще не вполнѣ ясны, но уже приписаны дѣйствію, если не разстроенной, то во всякомъ случаѣ слишкомъ возбужденной нервной организаціи, могущей какъ будто давать сама собою полный перевѣсъ въ мыслящихъ выводахъ, именно такихъ которые построены по всѣмъ правиламъ логическаго, прямолинейнаго мышленія, какъ все что даетъ мущина. И это знаютъ тѣ мужья, которые вводятъ въ свои дѣла мысль женщины, со всѣми ея личными выводами. Покоряясь ея интенсивности они всегда получаютъ именно то что нужно, что имъ требуется.

Женщина, не смотря на условія жизни, на свое субалтерное положеніе, дававшее ей роль побочную въ жизни мужа, не смотря на то, что ее оставляли безъ всякаго умственнаго движенія, ограничивая предѣлы даже ея воспріятій условіями жизни—все же всегда была тѣмъ совѣтникомъ, который давалъ свои мысли и понятія тамъ, гдѣ относились къ ней, какъ къ существу разумно понимающему жизнь.

Не ея вина если ей задерживали ея мыслящій ростъ и личныя проявленія жизненнаго отношенія ко всѣму. Все же во всѣ времена, она имѣла непосредственное вліяніе думающей своей силою на своего мужа, именно тамъ, гдѣ личная ея сила требовалась, и этимъ она давала дальнѣйшее движеніе мысли мужчины, не смотря на свою, мало развитую знаніемъ, жизнь.

Только точное, не предвзятое изслѣдованіе женскаго способа мыслить, любить и дѣйствовать можетъ пролить свѣтъ на эту, до сихъ поръ не изслѣдованную, силу, дѣйствующую думой своей въ жизни человѣчества. Нужно болѣе серьезно, болѣе вдумчиво и болѣе точно разсмотрѣть тѣ ея свойства, которыя называютъ отзывчивостью, чуткостью, находчивостью и исключительной сообразительностью. Нужно разсмотрѣть ея способность по нѣсколькимъ сказаннымъ словамъ возстановить всю данную мысль, полученную почти налету, даже не досказанную, понять, скомбинировать и двинуть ее еще дальше, почти съ той же ясностью, какъ и мущина, которому требовалось болѣе или менѣе продолжительное время, чтобы добиться логическаго или дѣятельнаго жизненнаго отношенія для отвѣта на данный вопросъ. Нужно при этомъ еще вспомнить все то нетерпѣніе, и даже раздраженіе, которое высказываетъ женщина, когда ей стараются точно, методично доказывать извѣстную мысль, когда она уже давно схватила ее и въ своемъ пониманіи дала выводъ.

Творческую мысль мущины женщина поглощаетъ (свойственнымъ ей способомъ) почти мгновенно, и такъ же непроизвольно, какъ она поглощаетъ сѣмя, дающее фактическую жизнь будущему человѣку,

давая въ своемъ организмѣ, все нужное для его жизненной силы.

Это наводитъ на мысль о ея творческой силѣ, непроизвольно воспринимающей импульсъ, но активно созидающей въ себѣ, то что предназначено въ жизни.

Нѣчто аналогичное совершается и съ творческой утилитарной мыслью мущины, когда она поглощается женскимъ воспріятіемъ. Она одаряетъ, такъ сказать, эту утилитарную мысль своимъ ощущеніемъ любовно мыслящимъ, захватывающимъ тѣхъ, кого и что просмотрѣлъ мущина, имѣя въ перспективѣ только то, что можетъ быть полезно дѣлу *его* мысли, но не *тому* и тѣмъ, кто составляетъ суть этого дѣла, не *тѣмъ*, объ комъ можетъ думать женщина, сочувствующая всѣму, что нуждается въ помощи и участіи. Эта творческая мысль мущины воспринявшая въ себя ощущеніе жизненное женщины, одѣвается уже свѣтомъ и тепломъ, освѣщающимъ и согрѣвающимъ всѣхъ, а не только себя и своихъ, и потому мысль эта дѣлается жизнеспособной и нужной для всѣхъ. Она уже не дѣлается предлогомъ борьбы однихъ противъ другихъ, она не представляется уже несправедливой, дающей однимъ то, чего лишаетъ другихъ. Она не будетъ уже предлогомъ борьбы, которая можетъ положить, если не конецъ, то во всякомъ случаѣ урѣзки и поправки всего того, что создано единичной мыслью мущины, (данной ему міровой мыслью, обслуживающей только личное благо его и тѣхъ, кто составляетъ звено этого блага).

— Такъ должно быть, и такъ будетъ, но этого еще нѣтъ.

А въ настоящее время только путемъ страданій

и волненій народныхъ массъ уясняется человѣку то, что онъ создалъ единичной мыслею. Только сознанная неправда даетъ толчекъ дальнѣйшей мысли, и прогрессирующая мысль мущины идетъ дальше только по ступенямъ, окрашеннымъ кровью, не говоря уже о слезахъ и потѣ обездоленныхъ.

И вотъ то, что могло бы итти своимъ *нормальнымъ* эволюціоннымъ путемъ не идетъ т. е. не идетъ двумя мыслями: творческою мыслью мущины и творческой любовью женщины, совокупно работающими надъ дѣломъ жизненнаго устроительства, давая все что нужно на пользу всѣхъ, даже тѣхъ, кого оно теперь минуетъ и тѣхъ кто думаетъ, что жизнь есть что-то неумолимо жестокое, неумолимо одностороннее, и почти безцѣльное.

Разсматривая женщину какъ активную, дѣятельную мысль, имѣющую основу въ любви, дѣйствущую въ жизни человѣческой своими, лично принадлежащими ей свойствами, мы наталкиваемся еще на одно, мало объяснимое, ея свойство, которое все же красной нитью проходитъ по всей человѣческой эпопеѣ, но мало объяснимо и не обращающее на себя вниманія даже строгаго изслѣдователя. Это свойство предсказывать или вѣрнѣе предвидѣть, предугадывать конецъ дѣла, когда это дѣло было только въ зародышѣ даже когда оно было только въ мысляхъ. Не имѣя никакихъ положительныхъ данныхъ въ своемъ распоряженіи, женщина часто давала совѣтъ поступать такъ или иначе, сообразно существующимъ понятіямъ людей даннаго времени; и тѣ, кто наблюдали этотъ необычайный жизненный пріемъ, почти всегда видѣли, что поддаваясь этому женскому внушенію были удовлетворены, такъ

ГОС. ПУБЛИЧНАЯ

какъ это необходимое предвидѣніе осуществлялось, именно такъ, какъ было указано.

Во всѣ времена, куда ни бросимъ взглядъ, всегда эти необычайныя свойства женщины, отмѣчались въ исторіи человѣчества и именно такія свойства, которыми не владѣетъ мущина. Владѣющія ими, вездѣ имѣли свои спеціальныя названія, смотря по вѣку и по проявленію ихъ дѣятедьности. Ихъ называли сивиллами, вѣщими, прорицательницами, колдуньями и гадательницами. Не смотря на всѣ женскія недочеты, не смотря на всѣ предвзятыя отношенія къ женщинамъ, мущина признавалъ въ нихъ что-то такое, чего онъ не умѣлъ понять въ ней и уяснить себѣ. Что въ женщинѣ существуетъ что-то неподдающееся анализу, точному изслѣдованію тѣмъ способомъ, которымъ дѣлаются эти анализы видно изъ того, что не смотря на очевидность для всѣхъ, кто вдумчиво относится къ жизни присутствія въ ней какой то, неизвѣстной силы,—силу эту всегда обходятъ какъ-то молчаніемъ или вовсе не останавливаясь на ней, или давая объясненіе, что все то, что выходитъ за норму человѣческой сознательности дѣйствіе нервъ, дѣйствіе возбужденной нервной воспріимчивости.

Положивъ эту этикетку на необъяснимое явленіе, люди успокаивались, не давая себѣ труда мыслею своею идти дальше въ этомъ направленіи.

Неоспоримо, что это дѣйствительно движется дѣятельностью нервной воспріимчивости.

Если принять во вниманіе, что то, что даетъ эта дѣятельность осуществляется на дѣлѣ, на жизненномъ фактѣ, а положительныхъ данныхъ для женской чуткости, для ея предвидѣнія нѣтъ, и не

можетъ быть, или не можетъ быть ей извѣстно, что она существуетъ, то какимъ же путемъ нервы, даже самые воспріимчивые, могутъ давать то, чего они не могутъ воспринять?

На это большинство людей отвѣчаетъ: случайность, случайное совпаденіе. Но случайность и совпаденіе можетъ быть разъ, два, наконецъ десять разъ. Но многократность повторенія требуетъ болѣе вдумчиво поискать причину, можетъ быть какой нибудь законъ, объясняющій странную случайность.

Вѣдь нельзя же назвать ложью и обманомъ все что не понимаешь. Или нервы сами по себѣ владѣютъ какимъ-либо особеннымъ даромъ, тогда нужно узнать, что представляетъ собою это свойство—или это просто такіе органическіе нити, которые улавливаютъ то, что не доходитъ до человѣческаго сознанія. Тогда это указываетъ человѣку на то, что есть другія сферы мысли, не воспринятые еще позитивной мыслею, получающей свои императивы отъ воспріятій внѣшнихъ, воспринимаемыхъ тѣми жизненными органами, которые служатъ средствомъ для познанія внѣшняго міра и дающей ему возможность на основаніи знанія фактовъ дѣлать выводы, которые изъ нихъ вытекаютъ и потомъ дальше итти въ тотъ міръ мыслящій и ощущающій почти міръ абстрактный,—который дается мыслящей и любящей женщинѣ даже безъ ея вѣдома.

И вотъ то, что существуетъ видимо и почти неоспоримо, но мало понятно—отвергается. Не скоро еще прекратится это маломыслящее отношеніе къ неизвѣстнымъ факторамъ именно до тѣхъ поръ, пока человѣчество не дойдетъ въ своемъ пониманіи, что *одна* мысль мозговая, обслуживающая только жизнь человѣка на землѣ со всѣми его тре-

бованіями, не могла бы существовать въ мірѣ безъ *думающей силы*, существующей въ такомъ же смыслѣ какъ всѣ силы, которыхъ проявленіе мы знаемъ болѣе или менѣе, но не знаемъ ихъ сути и причины существованія, понятыя нами при извѣстныхъ условіяхъ своего проявленія.

Таково, между прочимъ, и проявленіе неизвѣстной намъ думающей силы въ мозговомъ аппаратѣ человѣка и въ нервной воспріимчивости мыслящей и любящей женщины.

Но все это поймется послѣ, когда мысль человѣка подвинется дальше, вмѣстѣ съ жизнью и тѣми жизненными явленіями, которыя ему придется наблюдать. Наблюдать безъ всякой предвзятости, безъ всякой предпосылки.

А пока это еще не понято, человѣкъ будетъ обрывать крылья своихъ женщинъ, оставлять ихъ въ темнотѣ, подальше отъ просвѣщенія и свободы, чтобы заставить ихъ и жить и мыслить, и любить, и относиться къ людямъ и жизненнымъ событіямъ по пониманіямъ мущины—творца и исполнителя мыслящихъ положеній, имѣющихъ свой основой міровую мысль, то есть того отблеска „думающей силы", которымъ надѣлена, въ своей прогрессирующей условности, вся органическая природа для своей сохранности и сохранности всего существующаго.

Но мущина въ своей предвзятости на женщину при своемъ личномъ отношеніи къ ней, желаетъ непремѣнно господствовать надъ своей подругой жизни и продолжаетъ выдергивать тѣ зачатки крыльевъ, которыми Высшая Мысль, руководящая эволюціонною жизнью надѣлила ее, какъ носительницу новаго отношенія ко всему что есть, какъ

мать новыхъ поколѣній, въ тѣхъ свойствахъ и способностяхъ, которыя ей присущи, но не поняты еще, не осуществлены мыслею человѣка настолько, чтобы можно было на нихъ остановиться.

Ее, женщину продолжаютъ обезличивать и держать въ мыслящемъ убожествѣ, не давая возможности развить себя знаніемъ и пониманіемъ жизненныхъ теченій. Ее съ упорствомъ обрекаютъ на невѣжество, ставя всевозможныя преграды ея желанію добиться своихъ дѣйствительныхъ человѣческихъ правъ. Мы не желаемъ сами понять, въ нашемъ тупомъ ослѣпленіи, что насилуя природу даннаго существа, давая его мысли уклонъ нашего пониманія, кастрируя его для нашей потребности мы не вправѣ въ то же время ожидать отъ него проявленія того, чѣмъ сами владѣемъ; точно также, какъ мы не вправѣ ожидать, чтобы птица съ оборванными крыльями летала ~~такъ~~, какъ ~~другія~~.

Не вправѣ даже тогда, когда видимъ, что женщина тянетъ насъ въ тьму маломыслящую и почти малонравственную, въ которой пребываетъ сама, получивъ все это отъ искусственнаго даннаго ей положенія, дѣлающимъ ее не самой собой, а только тѣмъ, чѣмъ она полезна и нужна своему господину, дающему ей свой уклонъ мыслящій и жизненный, не всегда соотвѣтствующій ей и ея личному мыслящему отношенію ко всему. И женщина давала и даетъ мужу въ настоящее время только то, что взяла отъ него и думая только то, что ей дали, и даже гаситъ въ немъ, порой, проблески мысли и то стремленіе къ свѣту и правдѣ, которыя въ немъ проявляются, какъ и въ каждомъ существѣ, идущимъ своимъ исканіемъ впередъ.

Итакъ, чтобы понять женщину, нужно тщательно разобрать ее, чтобы ни одна черта изъ ея сложной дѣятельной силы не пропала бы незамѣтно; тогда только принадлежащая ей думающая сила, и ея дѣятельное проявленіе въ жизни можетъ явиться въ настоящемъ свѣтѣ.

Что думаетъ женщина —даетъ отвѣтъ ея жизнь въ теченіи всей цѣлой человѣческой эпопеи. А что она дѣлаетъ, то толкуется, только устами и понятіями мущины и тѣхъ женщинъ, или вѣрнѣе того женскаго прирученнаго стада, которыя не знаютъ личной мысли, а живутъ по трафареткѣ, данной имъ мужчиной, и пробиваются во всю свою жизнь крохами, падающими со стола хозяина мыслящихъ положеній, который смотритъ на жизнь въ собственныя очки, давая жизни только то толкованіе, которое ему полезно, и тѣмъ, кто входитъ въ схему его понятій, дающихъ ему жизненное удовлетвореніе. Мущина не думаетъ и не захочетъ думать, что его мыслящія положенія относительно женщины могутъ уподобиться той прекрасной заманчивой, „зеленой полянкѣ", которая отводилась рабамъ для жизни, тѣмъ болѣе, что эта полянка сама по себѣ заманчивое и желанное мѣсто.

То положеніе въ которое мущина ставитъ женщину, давая ей все, что цѣнитъ самъ, что считаетъ самымъ важнымъ въ жизни, самымъ выгоднымъ, мало отличается отъ этого по сути. Онъ даетъ ей обезпечивающее положеніе въ жизни почти безъ всякаго напряженія и труда съ ея стороны; ей нужно только отказаться отъ себя и жить, то-есть, мыслить, любить, понимать, дѣйствовать такъ, какъ

требуетъ занимаемое ею положеніе, данное ей мыслею мужчины.

Но, не всѣ это могутъ дѣлать, не всѣ это выносятъ.

Какъ оказывается, самое повидимому подходящее устроительство,—данное чужой властью и чужой мыслею, не можетъ дать, именно нужнаго человѣку настоящаго времени т. е., свободы и ощущенія себя, какъ лица вполнѣ равноправнаго съ другими.

Даже балованныя дѣти, окруженные любовью и почти угодливостью, и тѣ радуются моменту свободы, возможности дѣлать, что имъ хочется, безъ посторонней опеки. Хотя они дѣлаютъ тоже что дѣлали и при матери, но счастье *самостоятельно* дѣлать дѣло, даже самое обыкновенное, даетъ самое большое наслажденіе.

И самому сильному врагу женскаго эмансипаторскаго движенія можетъ быть доказано, что только давленіе, путы, наложенные узы могутъ возбуждать энергію сопротивленія.

И это сопротивленіе слабаго, не подготовленнаго, не равноправнаго, не можетъ совершаться тѣмъ же оружіемъ, которыми владѣютъ сильные, то есть въ данномъ случаѣ на почвѣ закона, или на почвѣ физической силы, даже на почвѣ общественнаго мнѣнія, т. к. общество только въ рѣдкихъ, сильныхъ случаяхъ, выходящихъ изъ нормы, подымается во весь ростъ своего пониманія, основаннаго на такомъ ощущеніи, которое заставляетъ прямо, безъ предвзятаго взгляда смотрѣть на существующее.

Но, то что дѣлается вь сферѣ отношеній жены къ мужу, или мужа къ женѣ, большей частью не поднимаетъ общественнаго мнѣнія въ сторону

обездоленнаго даже, если это кончается драмою, напр., смертью одного изъ нихъ. Общество остается по привычной мысли къ такимъ явленіямъ, гдѣ попираются естественныя права человѣка, и глухо и слѣпо. Даже больше, общество всегда остается на сторонѣ тѣхъ, кто умѣлъ внушить, что право на его сторонѣ, право освященное вѣками и упорствомъ укоренившейся предвзятости, отвѣчающей желаніямъ и пониманіямъ мужа. И женщина, чтобы оградить себя, должна прибѣгать къ мысли своей; но эта мысль не можетъ ей служить если она будетъ апеллировать къ правдивой оцѣнкѣ ея противника, самое большее—эта апеляція можетъ дать ей сочувственное отношеніе тѣхъ, кто можетъ понять ея положеніе, но никакой существенной пользы она получить не можетъ, потому что всѣ, болѣе или менѣе, связаны ходячимъ общественнымъ мнѣніемъ, которое само по себѣ, какъ безличное зло, основанное на предвзятости все же есть самое существенное зло, дающее взаимному отношенію мужа и жены самыя крѣпкія узы въ данномъ направленіи.

Понимая все это, женщина для защиты себя отъ произвола прибѣгаетъ къ своего рода уловкѣ: она сама нападаетъ на лицо, мѣшающее ей жить, но нападаетъ не прямо, а съ помощью ухищреній. Она узнаетъ его слабыя стороны и дѣйствуетъ на нихъ, какъ на инструментѣ, который даетъ ей всегда то, что ей нужно. Она старается затемнить мысль того, отъ кого она зависитъ, и зная, что мущина требуетъ прежде всего признанія его правъ, какъ главы, что онъ любитъ почетъ въ домѣ и покорность его волѣ, она еще болѣе даетъ ему почувствовать и его руководство и его главенство, прибѣгаетъ даже къ его совѣтамъ и указаніямъ, но

лишь для того, чтобы, усыпивъ въ его жизненномъ требованіи господства въ семьѣ,—дѣлать не только все, что ей хочется но и заставлять мужа дѣлать все, что ей нужно. Она изучаетъ своего господина настолько точно, что въ любой моментъ можетъ сказать, чего она можетъ отъ него добиться, что нужно дѣлать или сказать, чтобы перевернуть его настроеніе на другое выгодное для ея цѣлей. Она можетъ заставить его полюбить, кого ей нужно и возненавидить безъ всякихъ основательныхъ для него причинъ. И чѣмъ тоньше проникаетъ ея мысль въ его внутреннее „я", тѣмъ вѣрнѣе она можетъ заставить его дѣйствовать такъ, какъ ей хочется.

Только этимъ ухищреннымъ путемъ мысли, она можетъ добиться своего желанія, даже если оно малоразумно. Наоборотъ, мыслящая, правдивая, хорошая женщина, желающая блага для семьи, нерѣдко получаетъ положительный отпоръ, если мужъ заподозритъ, что она дѣлаетъ не то дѣло, которое исходить отъ него, какъ мыслящаго двигателя семьи.

Интереснѣе всего, что даже женщины пользующіяся почетомъ отъ всѣхъ, какъ стоящія на пути точнаго исполненія долга, какъ образцовыя жены и матери, репутація которыхъ съ этой стороны не имѣетъ на себѣ тѣневой стороны—если только онѣ не тупы и не безличны—дѣлаютъ тоже самое, проводятъ свои желанія тѣмъ же способомъ, улавливая моменты и настроенія, подготовляя и ублажая, какъ и всѣ, кто не можетъ въ честной борьбѣ отстоять себя и свои мысли.

Но что всего замѣчательнѣе, эти женщины, поступая точно такъ какъ всѣ рабы, все же считаютъ себя свободными, честно, и прямо идущими по своему

пути, и потому не только позволяютъ себѣ порицать, но прямо препятствуютъ тѣмъ, кто для завоеванія себѣ личнаго права жить и мыслить по своему, прибѣгаетъ къ открытому протесту. Многія дѣйствительно хорошія и честно смотрящія на жизнь женщины, прибѣгаютъ къ этой тактикѣ, входя въ компромиссъ съ своей совѣстью и съ своими понятіями въ отношеніяхъ къ мужу, ради любви къ нему, ради мира и спокойствія въ семьѣ, ради тѣхъ своихъ обязанностей, которыя онѣ принимаютъ, какъ свой долгъ. Случается это чаще всего тогда, когда женщина жалѣетъ своего слабаго и малоразумнаго мужа.

Но помимо чисто мыслящаго воздѣйствія на мущину, чтобы добиться того, что она хочетъ, женщина, желающая взять верхъ надъ мущиной, способнымъ подпасть подъ вліяніе ея женскихъ чаръ, прибѣгаетъ къ этимъ своимъ чарамъ, и этимъ, доводитъ его до такого порабощенія, которое заставляетъ его забыть все остальное и обратиться въ самое послушное оружіе въ рукахъ нелюбящей и малосовѣстливой женщины, живущей въ данномъ случаѣ именно утилитарной мыслью, внушенной тѣмъ же самымъ мущиной, котораго она обираетъ и надъ которымъ господство, надъ его мыслями, дѣлами и даже ощущеніями даютъ ей самое большое удовлетвореніе. Болѣе прямодушно, болѣе довѣрчиво и болѣе честно относятся мущины къ своей женѣ и подругѣ, избранной ими для совмѣстной жизни. Какъ хозяева положенія и руководители всего, они не имѣютъ надобности защищать себя ухищреніями къ которымъ прибѣгаетъ женщина, чтобы отвоевать себѣ возможность поступать такъ, какъ она желаетъ.

Болѣе слабые организмы, болѣе лишенные приспособленія, для своей сохранности прибѣгаютъ къ хитрости и, какъ доказываетъ Дарвинъ, это совершенно естественно при неравенствѣ положеній.

Защищая себя и свое право поступать по своему желанію, прибѣгая къ кривымъ путямъ, женщина достигала того, что ей было нужно. И дѣлала она это, большею частью, безъ всякой преднамѣренности, почти безъ ясно опредѣленной мысли а только вслѣдствіе сильнаго личнаго импульса добыть то, что ей въ настоящую минуту было нужно. И она вносила этимъ своимъ отчасти дѣтскимъ, отчасти рабскимъ приспособленіемъ большой вредъ эмансипаціонному движенію мыслящихъ женщинъ, ищущихъ себѣ правъ человѣка.

Женщинамъ ставятъ, и не безъ основанія, укоръ что онѣ часто забываютъ объ элементарныхъ свойствахъ порядочности и нравственныхъ устояхъ, когда дѣло касается лично ихъ и ихъ требованій, тѣмъ болѣе что эти свойства, рѣдко замѣчаются у мущины. Онъ можетъ идти на проломъ, и только въ исключительныхъ случаяхъ, когда чувствуетъ, что сила не на его сторонѣ, прибѣгаетъ точно также, какъ и жена, къ хитрой изворотливости. Но въ общемъ онъ болѣе честенъ, прямолинеенъ, болѣе довѣрчивъ въ своей семейной дѣятельности, чѣмъ женщина. И это понятно, ибо онъ чувствуетъ себя господиномъ и себя самого и своего положенія какъ отецъ и мужъ.

Внѣ семьи, тамъ, гдѣ сила и власть не на его сторонѣ, они часто дѣйствуютъ тѣмъ же способомъ, какъ и женщины. И цѣль этой хитрости не только въ защитѣ себя, но главнымъ образомъ въ нанесеніи противнику такого урона, отъ котораго

врядъ ли ему возможно оправиться, потому что здѣсь дѣйствія его не очевидны, а почти анонимны. Развѣ мало примѣровъ этого? Развѣ тѣ же мущины всегда шли прямымъ путемъ, развѣ они не дѣйствовали хитростью, обманомъ и коварствомъ, когда сила не была на ихъ сторонѣ?

Только добившись своего, они стали болѣе простосердечны и прямы въ своихъ дѣйствіяхъ. Точно также прямы, честны и искренни—свободныя женщины. И такими же будутъ всѣ они, когда получатъ то, что нужно каждому свободно думающему и ощущающему жизнь человѣку, — безъ запрета и безъ наложенной узды. Но замѣчательно, что хитрость мущины, выражающуяся подъ часъ самымъ варварскимъ и коварнымъ способомъ, люди никогда не ставили въ ущербъ его нравственной стороны. Ее даже воспѣвали и считали доблестью, въ особенности если результаты, добытые этими обманными дѣйствіями, приносили плоды и были очевидны. Теперь конечно, люди понимаютъ, что тогда нельзя было поступать иначе, чтобы добиться своего.

Но и въ настоящее время совершается нѣчто подобное, но въ болѣе утонченной, въ болѣе культурной формѣ. Теперь обманъ и надувательство совершаются такъ же для достиженія намѣченной цѣли, но хитрое это приспособленіе носитъ уже названіе совершенно приличное времени, и тѣхъ высокихъ положеній, которыя занимаютъ лица, пользующіяся этими средствами не только для достиженія своихъ личныхъ цѣлей, но и для преуспѣванія того дѣла, которое желаютъ провести.

Теперь люди, спеціально занимающіяся этими кривыми, получаютъ заработанную плату за свои

дѣянія въ намѣченномъ направленіи и носятъ названіе дипломатовъ, политиковъ, устроителей народной жизни, работающихъ для цѣлей того пониманія, которое нужно внѣдрить въ жизненномъ теченіи другихъ агентовъ, которые служатъ исполнителями всего того, во что впряжены какъ рабочая сила, дѣйствующая только въ данномъ направленіи. И руководящая система, обслуживающая мысль заправилъ жизни, дѣйствуетъ не только этими понятными способами, но и тайныии путями, пользуясь почти отребьемъ, чтобы поддержать, и двинуть въ жизнь то, что нельзя поддержать и провести въ дѣло открытымъ и прямымъ путемъ. И эти низшіе агенты одни только несутъ на себѣ все негодованіе и презрѣніе людей прямо смотрящихъ на жизнь.

За извѣстную плату отлично работаютъ въ указанномъ направленіи масса лицъ, помогающихъ заправиламъ въ ихъ кривой, ради той же міровой мысли, которой живетъ весь органическій міръ, включая человѣка, если онъ еще не думаетъ своей сознательной мыслью, своимъ ощущеніемъ жизни, и не руководствуется личной совѣстью, которая прямо указываетъ ему, что коллективная мысль прошлыхъ вѣковъ, не должна быть руководительницей настоящаго момента, выдвинувшаго человѣка—какъ лицо, а не какъ часть того цѣлаго, принципы, котораго, почти колеблятся въ своемъ основаніи.

Всѣ тѣ, кто живетъ принципами міровой мысли, мірового утилитарнаго взгляда на все,—дѣлятся на двѣ каторіи. Одни, живя предвзятой мыслью, продѣлываютъ требованія коллективной мысли, совершенно увѣренно въ своей правотѣ, дѣйствуя не за страхъ, но за совѣсть. Другіе,

то есть тѣ, кто въ состояніи понять требованія новаго нарождающагося теченія жизни, все же, своей кривой отстаиваютъ то, что полезно и нужно заправиламъ. Дѣлая это только ради удовлетворенія своего личнаго эгоистичнаго „я“, получающаго этимъ путемъ средство для жизни, и обезпеченія себя.

Развѣ публицистъ, идущій по кривой, яростно отстаивающій то, что нужно коллективной мысли дирижеровъ, не замолчитъ, если обстоятельства жизни покажутъ ему, что этимъ путемъ онъ не добьется своихъ цѣлей, и не начнетъ пѣть новую пѣснь, если сможетъ и если покажется ему это выгоднымъ. Развѣ духовный проповѣдникъ, внѣдряющій въ паству то, что самъ не дѣлаетъ, не заговоритъ другимъ языкомъ, если шкурный вопросъ не будетъ ему стоять поперекъ дороги.

А тѣ изъ дѣятелей, руководящихъ народнымъ образованіемъ и народнымъ преуспѣваніемъ, которые дѣйствуютъ противъ своей личной мысли, понявъ уже неправду жизненную, развѣ стали бы поступать такъ, какъ поступаютъ, если бы не знали, что получатъ то, что имъ лично нужно, и то, чего они добиваются. Тотъ же принципъ личнаго преуспѣванія руководитъ хищниками всѣхъ родовъ, и всѣхъ положеній, ради своего благополучія пользующихся чужой простотой, оберегая себя маской.

И всѣ эти дѣйствія міровой мысли, заботящіяся о своей сохранности, требуютъ для достиженія личнаго фактическаго блага не только игнорированія блага другихъ, но именно попранія этого блага для своего преуспѣванія.

Понятно, что дѣйствія, дающія успѣхъ въ этомъ

направленіи, не могутъ явно и прямо совершаться, а требуютъ именно хитрыхъ и лукавыхъ приспособленій, которыми добиваются желаннаго, конечно не обращая никакого вниманія, даже не думая, что дѣлая нужное себѣ, они замедляютъ ходъ человѣческаго жизненнаго дѣла. Не думаютъ даже тогда, когда ихъ дѣла пахнутъ кровью людей и народовъ, не говоря о страданіи и душевныхъ мукахъ массы.

И при всемъ томъ мысль большинства мущинъ и всего того женскаго стада, которое живетъ не своею мыслью, не своимъ ощущеніемъ, а заимствованнымъ отъ мущины, не долго останавливаетъ свое просвѣщенное вниманіе на смыслѣ всѣхъ этихъ дѣйствій, а продолжаютъ утверждать, что хитрость и обманъ только спеціальное свойство женщины и ихъ мало развитаго нравственнаго чувства.

На самомъ же дѣлѣ совершается таже самая подпольная работа: защита хитростью слабыхъ фактически и слабыхъ по своей мыслящей концепціи, противъ внѣшней силы, съ которой нѣтъ возможности бороться инымъ способомъ.

Женщина стремится свергнуть съ себя узы не столько фактическаго свойства, сколько изъ желанія имѣть возможность поступать какъ хочетъ ея внутреннее „я“, т. е., жить, любить и дѣйствовать сообразно съ своей личной мыслью и своимъ личнымъ желаніемъ. Она борется за свое естественное право человѣка единственнымъ способомъ, который былъ и есть до сихъ поръ въ ея власти. Мущина ищетъ другого, у него другая точка исхода. Холодная хитрость мущины добивается возможности опутать другихъ, а себѣ и своимъ единомышленникамъ пріобрѣсти исключительно фактическую пользу. Тамъ, гдѣ онъ не можетъ взять

силой и даннымъ себѣ правомъ, онъ борется хитростью, коварствомъ, съ цѣлью утвердить господство своей мысли, которую считаетъ нужной.

И способъ дѣйствій женщины и мущины, не одинаковъ. Женщина всегда дѣйствовала въ одиночку. Мущина большею частью скопомъ. Женщина работаетъ за себя и прямо для себя. Мужчина за преуспѣяніе и достиженіе преимущественно других, какъ правитель, руководитель народной мысли и дѣлъ, какъ классъ, корпорація и данное жизненное положеніе. Онъ работаетъ больше не для тѣхъ, объ комъ повидимому заботится, но, главнымъ образомъ, для проведенія своихъ мыслей и понятій, нужныхъ ему для руководства надъ тѣми, кого онъ считаетъ безсознательной толпой, не способной руководствоваться собственными понятіями и не способной даже возмутиться настоящимъ образомъ при очевидности насилія. И этого рода хитрость констатируетъ узкость мысли человѣческой, узкость его понятій и ощущеній, малое человѣческое развитіе, въ смыслѣ нравственныхъ идей и положеній. Хитрость этого рода показываетъ упорную и разработанную мысль о своей сохранности, значитъ указываетъ на мысль чисто утилитарную, покоющуюся на своемъ благополучіи. Эту мысль, по слабости дѣйствительной своей концепціи, нельзя проводить въявь.

Но человѣкъ можетъ понимать только то, что ему даетъ жизнь, а жизнь именно нисколько не двинулась съ своихъ основъ міровой мысли, требующей того, что требуетъ все органически живущее.

Принципы добра и правды, данные человѣку 2000 лѣтъ тому назадъ не входятъ еще силой своей

чистаго и, дѣйствительно, движущаго міръ принципа въ текущую жизнь человѣка.

Эти принципы не могутъ быть приложены къ текущей жизни, такъ какъ жизнь даетъ только понятное, удобное человѣку въ данномъ положеніи, и потому все, что нарушаетъ то теченіе жизни, что можетъ внести даже простая перетасовка принятыхъ жизненныхъ понятій и положеній, производитъ недовольство и серьезное опасеніе, нарушающее то, съ чѣмъ сжилась мысль человѣка.

Вопросъ о женщинѣ, требующей себѣ права, одинаковыя съ своимъ товарищемъ по жизни, мужемъ возбуждаетъ такое недовольство и раздраженіе въ громадномъ большинствѣ, что даже самыя передовыя націи, у которыхъ права человѣка и уваженія къ личности дошло гораздо дальше чѣмъ у насъ, переживаютъ серьезный переполохъ отъ требованій женщинъ принять такое же участіе въ общественной жизни, какимъ пользуется мущина. Имъ, кажется что жизнь женщины должна идти по той же колеи, но конечно, расширенной и расчищенной, по которой она шла сотни и тысячелѣтія, не поднимая этого совершенно празднаго вопроса, совсѣмъ имъ не нужнаго, такъ какъ ей дана лучшая доля въ жизненной драмѣ: пользоваться плодами мыслящей и фактической работы мущины, на самой исполнять только то, что на нее положено самой такъ сказать природой, то есть, быть просто необходимостью мущины для продолженія и сохраненія человѣческаго рода во всѣхъ его возрастахъ и во всѣхъ его требованіяхъ, какъ мать, жена, любовница, другъ и хозяйка. Но въ настоящее время, въ силу необходимости, въ силу экономическихъ неурядицъ онъ допускаетъ ее до работы, даже

внѣ семьи, въ родѣ отхожаго промысла, допускаетъ до непосильнаго труда, даже налагаетъ на нее новыя обязанности, но не даетъ никакихъ правъ, сравнивающихъ его съ ней.

Но жизнь вопреки всему идетъ впередъ и вмѣстѣ съ ней движется мысль при помощи тѣхъ передовыхъ мыслителей, которые понимаютъ жизнь какъ вѣчный, не понятый еще всѣми эволюціонный процессъ Творческой Силы Того, Кого мы не знаемъ мыслею, но ощущаемъ всѣмъ тѣмъ, что въ насъ есть чистаго и цѣннаго.

И мысль идетъ въ жизнь вмѣстѣ съ женщиной, понявшей, что она тоже лицо, требующее имѣть свой мощный голосъ во всемъ, что совершается въ жизни живого и дѣятельнаго. Она убѣждена, что ей нужно дать свою личную оцѣнку и свою личную мысль, основанную на ощущеніи всего существующаго, дающаго такъ много неправды, насилія, что даетъ утѣсненіе и что даетъ даже самимъ утѣснителямъ по крайней мѣрѣ большинству радостныя минуты только въ винѣ и разгулѣ. Она этого не хочетъ, она этого не можетъ допустить своей проснувшейся мыслью, умудренной знаніемъ и жизненнымъ опытомъ. Она хочетъ встать на творческую работу. Своимъ творчествомъ любви она хочетъ присоединиться къ творчеству мысли мущины, и этими двумя могучими силами сдвинуть жизнь съ той почти исключительно утилитарной точки, которая составляетъ принципъ міровой мысли. И присоединивъ свое любовное участливое ощущеніе ко всему, что мыслею своею создетъ мущина, отведетъ этой міровой мысли то, что ей подобаетъ, то есть, ея сохранную функцію фактической жизни, дающей намъ все, что намъ нужно

для нашего пониманія о жизни, удовлетворяющей насъ. И эта міровая мысль будетъ служить намъ, обслуживать наши жизненныя требованія, но уже не будетъ нашей руководящей мыслью.

Мыслящая любовь и жизнь, на основаніи этого принципа двинутъ міръ стараго пониманія на новый путь, указанный намъ любовью Христа и его завѣтомъ: Ищите прежде всего правды, и правда эта приложится къ вамъ.

А. Казина (А—ва).